

ЯЦЕК ПАЛКЕВИЧ
ПУТЕШЕСТВЕННИК, ПИСАТЕЛЬ

Подарок на Рождество: звонок из редакции

Неистовый поляк-первооткрыватель, писатель и репортер, давний друг и автор «Труда», он полвека провел в поисках исчезающих цивилизаций и обитателей отдаленных уголков планеты. За эти годы много раз встречал рождественские праздники вдалеке от дома, но неизменно в кругу вновь обретенных друзей. Ему есть что вспомнить, с чем сравнить...

Большую часть своей жизни я провел в путешествиях, на перепутьях, тысячи раз пересекал границы стран и континентов, повторяя вслед за Гете: «Да, я только странник на грешной земле!» Или, если снизить уровень пафоса, гражданин мира, постоянно сидящий на чемоданах. Но знаете, что самое главное даже для отъявленного блудного сына? Знать, что есть на земле точка притяжения, где тебя ждут каждую минуту. Вот и я из каждого сколь угодно долгого путешествия всегда стремлюсь домой, к жене Линде и детям.

Поляки, ревностные христиане, особо почитают праздник Рождества. Он укрепляет семейные узы, дарит надежду, призывает к прощению. В 1992-м именно в такой праздничной атмосфере я с детьми украшал свежую елочку. Нашу радость нарушил телефонный звонок Клаудио Сабелли, редактора иллюстрированного приложения к газете «Коррьере делла Сера».

– Завтра тебе надо лететь в Пномпень, – заявил он тоном, не терпящим возражений.

Как?! Я же только вернулся оттуда неделю назад, опубликовал большой репортаж о польском контингенте, который в рамках миссии ООН помогает народу Камбоджи избавиться от наследия красных кхмеров. А вчера в редакцию позвонил пресс-секретарь министра обороны с претензией, что я не написал про итальянскую жандармерию. Надо исправлять ситуацию...

– Клаудио, это невозможно! – я старался быть категоричным. – В кои веки собрался встретить Рождество в семье, все в сборе, что они скажут про блудного отца?

– Ну ладно, – с безнадежностью в голосе молвил редактор и бросил трубку.

Можно было бы расслабиться, ведь угроза командировки отступила. Но в сердце засела заноза. Годом раньше мы вместе с Клаудио были на Камчатке, а такие экспедиции сближают больше, чем 20 лет обычного знакомства. И тот восторг, который я испытал при виде своего репортажа в итальянской газете... Нет, я не мог отмахнуться от задания редакции. И подукоризненными взглядами родных стал яростно накручивать диск телефона: «Клаудио, о'кей! Во сколько будет такси в аэропорт?»

Это было кошмарное путешествие. Рождественские праздники я провел в самолете и аэропорту Бангкока. И все это время думал: зачем мне все это, что за чертова страсть в крови обойти коллег на полкорпуса? В том декабре у меня не было елки и колядок, не было вертепа с фигуркой Богомладенца, преломления облатки с моими польскими кузенами и пожеланий друг другу добра и удачи. И теперь, оглядываясь назад, я вдруг осознаю, что за полвека странствий я почти все рождественские праздники провел далеко от дома. Наверное, это грустное ощущение оторванности от чего-то очень важного и дорогого. Но еще грустнее осознавать, что все приключения позади и теперь едва ли кто позвонит накануне Рождества и скажет: «Яцек, извини, но надо собираться в дорогу!» Это чувство схоже с тем, что сформулировала американская писательница Эрма Бомбек: «Самое грустное – проснуться рождественским утром и осознать, что праздник позади».

Литература о Рождестве вообще полна незабываемых произведений, которые помогли сформировать магический образ самой прекрасной ночи в году. Помню, в детстве меня удивительно трогала «Рождественская история» Чарльза Диккенса. Казалось, она осталась там, на дне памяти, как засушенный в книжке листок. Но нет, она никак не выветривается из души. Культовый сюжет, он странным образом уже почти два века остается актуальным. Тем более сейчас, в эпоху агрессивной коммерциализации, когда духовный фон светлого праздника Рождества, сопровождавший человечество на протяжении 2 тысяч лет, отодвинут ритуалом покупок – нашей новой религии...

А век интернета диктует свои законы. Люди обмениваются миллионами электронных писем и эсэмэсок с пожеланиями. Остались далеким приветом из прошлого красочные рождественские открытки, подписанные от руки. И пожелтевшая вырезка из старой газеты с моим репортажем из Пномпеня. ■